

Всегда любил посидеть за столом. И не жалею (на даче в Снегирях)

— Сколько лет вы уже женаты?

— Мы нашей датой считаем день знакомства, потому что потом еще долго морочили друг другу головы. Историю эту я уже сто раз рассказывал. Приехал со съемок, зашел в монтажную, какая-то девочка занесла коробки, ушла. Я говорю: «Валь, кто это?» — «Это наша новая монтажница». — «Будет моя жена», — сказал я, уже женатый. Хотя у нас шло на развод.

— Чем она вас поразила?

— Она была красавица. Она и сейчас красивая женщина, ей пятьдесят уже. С тех пор прошло тридцать два года.

— Кстати, чем еще она бывает в вас недовольна?

— Многим она во мне недовольна. Что я недостаточно ее люблю, как ей кажется. Что я могу оглядываться на других женщин. Ну и так далее.

— Можно продолжать ревновать после тридцати двух лет совместной жизни?

— О-хо-хо... Хо-хо...

— Разве люди не надоедают друг другу?

— Нет, не надоедают. Она — родной человек, родная кровь. Ну что ты с ней сделаешь? Это кусок меня. Я иногда: «Ой, только не мешай». Но вот прихожу — ее нет, к примеру. Так редко бывает, но пошли они с подругой в театр, а я пришел раньше часа на три. Места не могу найти дома, черт, это...

— Чего вы никогда не позволяли себе в отношении женщины?

— Ну, унижать их. Старался не обманывать.

— Девчонок в детстве за косы таскали?

— Чаще всего нет. Первая моя любовь была в семь лет, я влюбился в свою воспитательницу.

Этой любви с первого взгляда пошел уже тридцать третий год

цу. Спустя сорок лет посмотрел фотографию, и вот, думаю, е-мое, я и сегодня бы в нее влюбился. Такая Тамара Макарова типичная.

— В чем состояла влюбленность?

— Мечтал, переживал, пытался ее целовать, гладить и все такое. Кончилось это, правда, тем, что мама перестала таскать меня в женскую баню. Это было на Урале, отца не было, деда не было, я мог только с мамой ходить. И вот мы пошли и встретились там с моей любовью. Они стояли разговаривали, и вдруг она как бы почувствовала неловкость — закрылась тазиком так. И я тогда почувствовал неловкость впервые в жизни.

— А почему отца не было?

— Он погиб, когда уничтожали казачество, я снял об этом эпизод в фильме «Так жить нельзя». Сначала его посадили в возрасте двадцати трех лет, потом он просто стинул.

— Вы занимались воспитанием своего сына?

— Нет, не могу сказать. Он без меня стал таким. Но ты должен быть примером — это и есть воспитание. Если бы отец был жуликом, проходимцем, это был бы плохой пример. А он никогда не стыдился меня, ни в каких поступках.

— В кино тоже пошел из-за вас?

— Может быть. Вообще, он всегда был строителем. Они жили в Казани, его мать заставила поступить на журналистику, он поучился полгода, ушел в водопроводчики, потом — в армию, вернулся, снова строил. Заочно окончил ВГИК, сценарный факультет, никаких сценариев не писал, писал рассказы. Войной был болен с детства, любил военных писателей, решил снять фильм о войне. Снял. В Чечне потерял ногу.

— Внуки у вас есть?

— Его сына зовут Станислав Сергеевич, фамилия Говорухин.

— На вас похож?

— Дед, конечно. Опять-таки характер дедушкин. Семь лет, школьник.

— Вы будете еще избираться в Думу?

— Зависит от состояния здоровья. У меня с позвоночником не все в порядке — недавняя травма. Теперь не знаю, в больницу надо идти, оперироваться или что-то...

— Что вы будете делать, если не пойдете в Думу?

— Рисовать. Кино снимать. Книжки писать. Нет, не мемуары. Да, наверное, роман бы написал. Про любовь. Что-нибудь интересное для читателя.

— Насчет мемуаров... Вы довольны прожитой жизнью?

— Нет, не могу сказать. Кто-то подарил альбом в кожаном переплете, четыреста чистых страниц, и я написал так: «Я бездарно прожил замечательную жизнь». Вот весь мемуар. Мне Бог дал здоровье и силы, и достаточно талантов, а я играл в карты, ленился, скулил.

Знаете, кого Данте поместил в последний круг ада? Нытиков. Их спрашивают: «Что вы тут делаете, почему вас сюда?» — «А вот в день прекрасный, когда светило солнце, мы не радовались жизни». Ведь уныние — самый тяжкий грех.

— Сейчас вы в унынии?

— Сейчас уже возраст. Но по мере сил стараюсь не унывать.

К. Тарханова

Фото Татьяны Кубановой